

Международная Сахаровская конференция -- Сессия пятая

24-25 октября 2008 г. в Кембридже (штат Массачусетс) прошла конференция Гарвардского университета, посвященная 40-й годовщине статьи Андрея Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968). Конференция была организована Сахаровской программой по правам человека в Гарвардском Дэвис-Центре, физическим факультетом и Фондом Андрея Сахарова (США).

Сессия пятая – Россия сегодня и завтра

Участники и темы докладов:

Маршалл И. Голдман – «Российская экономика: вчера, сегодня и завтра»

Антон Бурков – «Российские неправительственные организации, права человека и правовое государство»

Андрей Илларионов – «Российская либеральная интеллигенция»

Томас Ремингтон – «Андрей Сахаров и концепция демократической оппозиции»

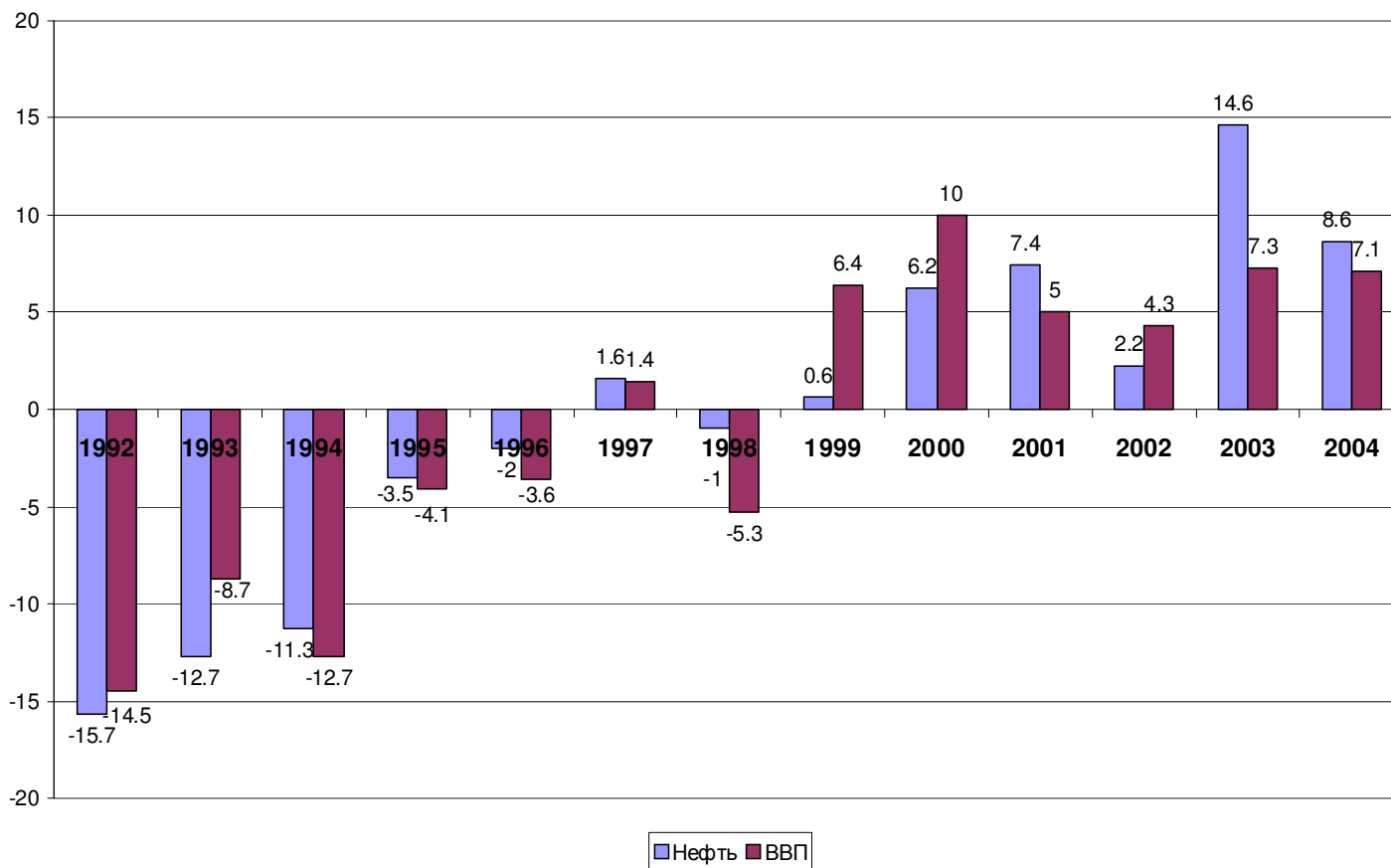
Сахаровская конференция Сессия пятая – Россия сегодня и завтра

Маршалл И. Голдман (*заслуженный профессор российской экономики в Уэлсли Колледже; старший исследователь гарвардского Дэвис-Центра русских и евразийских исследований, заместителем директора которого он являлся с 1975 по 2006 г.; автор многих книг о российской экономике, политике и окружающей среде, новейшая из которых – Petrostate: Putin, Power and the New Russia*):

Приветствую всех присутствующих. Наша сессия – это сборная солянка под заглавием «Россия сегодня и завтра», но мы можем также поговорить и о «вчера». В дискуссии участвуют выдающиеся специалисты, которые приехали к нам из разных стран света. Полагаю, что как ведущий, я должен выступать первым, так что я воспользуюсь этой прерогативой.

Мое выступление будет посвящено экономике, тому, что произошло, и почему в последние годы, по крайней мере, до последних недель Россия была в беспрецедентном положении.

Производство нефти в России и динамика ВВП (в процентах)



Как видите, после крушения Советского Союза при Ельцине экономика покатила под откос. Суммарным результатом было падение валового внутреннего продукта (ВВП) примерно на 40 процентов. Это больше, чем объем спада в США во время Великой депрессии конца 1920-х – начала 1930-х годов. Это было крайне серьезно. В 1997 г. произошел небольшой подъем, а в 1998 г., всего десять лет назад – крах. Это имело свои последствия также и для Соединенных Штатов. Наша биржа потеряла 20 процентов в качестве отголоска событий в России. Некоторые из вас, возможно помнят о крахе крупного хедж-фонда, «Long-Term Capital Management» (LTCM), выделявшего кредиты всяческим финансовым группам, которые, в свою очередь, инвестировали в России. Федеральный резервный банк вмешался из опасений, что крах LTCM утянет за собой всю экономику – эти действия ФРБ вызывают у нас сегодня ощущение *déjà vu*. Так что мы уже взаимосвязаны друг с другом довольно-таки впечатляющим образом.

В августе 1999 г. Путин был назначен премьером. 31 декабря он стал и.о. президента, а в марте 2000 г. выиграл президентские выборы. Вы можете увидеть по таблице, что произошло после этого: ВВП пошел вверх, со скоростью в 7-8 процентов ежегодно, и за десятилетие удвоился – а это весьма впечатляющее достижение. Этим объясняется то, почему люди в России в целом стоят за президента Путина – его высокий рейтинг регулярно подтверждают

опросы общественного мнения (мы еще не знаем, что произойдет с его рейтингом по итогам 2008 г., но мы уже знаем, что этот результат будет довольно страшноватым).

В Путине ли тут было дело? Конечно, он способствовал улучшениям в экономике – но главной причиной роста российского ВВП было производство нефти, которое в первые годы Ельцина упало, а при Путине росло ежегодно до 2007 г. В экономике такое точное соотношение случается нечасто – чтобы ВВП падал, когда падает производство нефти (так, по крайней мере, было до 2008 г.) и рос одновременно с ростом ее производства. Так что дело тут в нефти, а Путину просто выпала удача – стать президентом в подходящий для этого момент. А почему растет производство нефти? Да потому, что с 1999-2000 годов цены на нефть выросли с 10-12 долларов за баррель до 147 долларов за баррель в мае 2008 г. Я даже моей жене говорю, что если бы я был президентом России, даже я сумел бы обеспечить такую отдачу. Но Путин *действительно* удачлив. Что произошло при уходе Путина с поста президента? Цены на нефть упали до 70 долларов за баррель. Так что, действительно, разворот в экономике произошел в первую очередь благодаря нефти – но благодарят за это Путина.

Силовики в бизнесе в конце путинского президентства

Имя	Должность	Компания	Отрасль	Ночная работа
Андрей Белянинов	Генеральный директор	"Рособоронэкспорт"	Экспорт вооружений	
Виктор Иванов	Член Совета директоров / бывший чекист	"Аэрофлот"	Авиалинии	Помощник Путина
Дмитрий Медведев	Председатель Совета директоров	"Газпром"	Природный газ	Глава администрации Путина
Сергей Приходько	Председатель Совета директоров	ТВЭЛ	Торговля ядерным топливом	Советник Путина по внешней политике
Игорь Сечин	Председатель Совета директоров	"Роснефть"	Нефть	Чиновник в кремлевской администрации
Евгений Школов	Член Совета директоров	"Транснефть"	Нефтепроводы	Помощник президента
Игорь Шувалов	Член Совета директоров	Российские железные дороги	Ж-д транспорт	президента по экономике
Владислав Сурков	Председатель Совета директоров	"Транснефтепродукт"	Материалы для строительства нефтепроводов	Чиновник кремлевской администрации

Из этой таблицы видно, что Путин привел своих сторонников, свои группы поддержки, «силовиков» (кадры служб безопасности и других силовых министерств) на позиции экономической власти. Видно, откуда эти люди приходят – в некоторых случаях из Санкт-Петербурга, в некоторых из КГБ, в некоторых из Петербурга и из КГБ. Путин выдавил первоначальных олигархов и привел, в некотором смысле, на их место этих новых людей, поставив их руководить рядом компаний – «национальных чемпионов», как он сам же их назвал, заимствовав этот термин без указания источника у двух профессоров Питтсбургского университета. Если вы откроете сегодняшнюю «Файненшл таймс», вы увидите в ней длинную статью с цитатами, в числе других, из Андрея Илларионова, о том, что их капитал значительно сократился вследствие обвала рынка. Эти «новые олигархи» использовали пакеты акций, полученные ими в ряде компаний, при получении займов, что вызвало требования дополнительного обеспечения со стороны брокеров, когда цена их акций пошла вниз. Сейчас они расстаются со значительной частью своего капитала, которая уходит банкам и другим кредиторам; это сумма до миллиарда долларов, во всяком случае, не меньше пары сотни миллионов долларов. В числе потерявших на этом Олег Дерипаска.

Как я уже отмечал, эти люди, которых я называю «вторым эшелон» олигархов – это люди Путина. Они обязаны Путину не только своей властью, но и своим состоянием – и это будет весьма трудной ситуацией для Медведева, который вступает в свою новую роль: что с ними делать – ведь они будут защищать нажитое и не очень-то захотят переходить на службу к новому покровителю.

Таблица 3: Зависимость Европы от российского газа (в млрд.куб.м, 2004 г.)

	Общий потребления газа	Общий объем импорта газа	Импорт газа из России	% от общего потребления газа	% от импорта
Европа	526	372		26	
Германия	97	91	36	38	40
Италия	81	68	21.6	26	32
Турция	23	22	14.5	64	66
Франция	45	45	13.3	25	30
Польша	14	10	6.3	42.5	63
Австрия	9	8	6	65.7	75
Венгрия	14	11	9	66	82
Чехия	9.6	9.5	6.8	74.6	72
Словакия	6.6	6.4	5.8	97	91
Финляндия	4.6	4.6	4.6	100	100
Эстония	0.97	0.97	0.97	100	100
Латвия	1.75	1.75	1.75	100	100
Литва	2.93	2.93	2.93	100	100

И напоследок одно замечание. Это имеет прямое отношение к тому, где Россия находится сегодня и где она будет завтра. Толчком к написанию моей книги *Petrostate: Putin, Power and the New Russia* послужили шокирующие масштабы экспорта российского газа в Европу. У меня были данные по отдельным странам, но только когда я свел всю эту статистику вместе, я понял, какую в действительности роль играет газ. Нефть приносит доход, но именно газ является политически значимым товаром. Германия получает у России 42% импортируемого ею газа.

Нефть более или менее взаимозаменяемый продукт. Если вам перекроют один нефтепровод, вы пойдете к другому, или пойдете к танкеру, к автоцистерне или грузовому поезду. Но доставка газа зависит от доступности одного-единственного конкретного газопровода, потому что не существует рынка купли-продажи сжиженного природного газа. А развитие этого рынка требует долгосрочных контрактов. Если вам перекроют газопровод, то вы будете мерзнуть, как мы имели возможность наблюдать в январе 2006 г. Это дает России огромный рычаг воздействия. Уже, похоже, и Ангела Меркель осторожничает с Россией, из опасений возможного перекрытия российско-германского газопровода. К чему без нужды раздражать Россию?

Из таблицы видно, как широко распространена эта зависимость от российского газа в Европе. В Европу поступает и алжирский газ, и газ из Северного моря. Но если вы географически расположены у восточного края газопровода, как, например, Германия, то нероссийский газ, наверное, не покроет ваших потребностей, тем более, что источники газовых поставок в Алжире и Северном море скоро истощатся. Но вы только посмотрите, каковы масштабы зависимости всей Европы от российского газа! И, конечно же, в Центральной и Восточной Европе она еще выше. Так что это дает России инструмент, политический инструмент, который, насколько я себе представляю, беспрецедентен и в некотором смысле более значим, чем ядерное оружие – ведь в случае ядерного оружия у нас была система взаимно гарантированного уничтожения: русские не применяли свое ядерное оружие потому, что мы не применяли свое. Но в случае с газом, у нас нечем противостоять, кроме заклинаний, которые не очень-то помогают делу.

Подытожу: Россия вернулась на свое место в мире. Она проделала огромный разворот, которому способствовал Путин, но в действительности главной причиной были изменения в ценах на нефть и в экспорте нефти.

Антон Бурков (докторант юридического факультета Кембриджского университета, в течение 10 лет является сотрудником Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека Общественного объединения «Сутяжник»; в 2001 г. был награжден премией Фемиды «за вклад в создание демократического общества и развитие государственных правовых институтов»):

«Сутяжник» -- это неправительственная правозащитная организация молодых юристов и студентов последних лет обучения. Она была основана в 1994 г. в Екатеринбурге. В качестве центра правозащитных ресурсов она помогает российским гражданам и организациям

реализовывать их права – путем судебных процессов по делам, представляющим общественный интерес, путем просвещения граждан по вопросам прав человека и путем их информирования о механизмах защиты их прав, которые гарантированы российской конституцией и международными договорами. Одна из главных задач «Сутяжника» -- защита прав человека посредством работы по приведению национального законодательства и правоприменения в соответствие с международными и конституционными нормами.

Конечная цель организации и ее молодых сотрудников – юристов и журналистов – в том, чтобы развить эффективный механизм несения ответственности государственными чиновниками и ведомствами за любые совершаемые ими нарушения российской конституции или наших законов и механизм привлечения их к ответу. Вопрос ответственности государственных чиновников на сегодня ключевой для будущего успеха России.

В Советском Союзе не существовало традиции правовой или материальной ответственности государственных чиновников или учреждений за нарушения ими закона. Отсутствовало законодательство, которое позволяло бы это делать, – за немногими исключениями, как, например, защита автомобилистов от произвола ГАИ). Ни у кого не было возможности подать в суд на правительство или его чиновников за допущенные ими нарушения и попросить суд присудить компенсацию за вызванный ими ущерб. Формальной причиной отсутствия такой правовой ответственности было декларировавшееся «отсутствие классовых конфликтов» в советском обществе. Предполагалось, что это автоматически исключает конфликты интересов между гражданами и чиновниками. К сожалению, в действительности все вышло совершенно иначе – это привело к безответственности властей.

После прихода к власти в 1985 г. Михаила Горбачева он заявил, что главным его принципом в управлении государством будет приоритет верховенства закона. Этот принцип мог быть осуществлен только в условиях, когда государство и его чиновники систематически несли ответственность, в том числе и финансовую, за нарушения прав человека и злоупотребления властью. Горбачев хорошо это понимал, и в числе его приоритетов было введение соответствующего механизма для обеспечения соблюдения этого принципа.

Первым шагом к созданию «правового государства» было принятие в 1987 г. положения о порядке обжалования действий должностных лиц, нарушающих права человека. В 1989 г. была принята новая редакция этого закона, а в 1993 г. в России был принят тот закон, который и по сей день остается в силе. В принципе, по этому закону, каждый, кто считает, что чиновники нарушили закон, может привлечь виновного к суду и подать иск на возмещение материального и морального ущерба. При рассмотрении этих дел суд должен соблюдать все процессуальные нормы гражданского права. Решения по делам должны приниматься судом, а не, как прежде, должностным лицом, зачастую тем самым, которое издало приказы, повлекшие за собой те самые нарушения прав человека. А истец имеет право требовать компенсации ущерба.

С 1993 г. было принято множество постановлений, вводящих подобные правила – но их воплощение в жизнь оставляет желать лучшего. Добиться постановления суда, осуждающего

действия того или иного чиновника или ведомства, с присуждением денежной компенсации из средств министерства финансов еще возможно; но невозможно обеспечить его исполнение.

Причина проста: не существует процедур, которые позволяли бы физическому лицу или суду обязать исполнение судебного решения о взыскании средств с министерства финансов. Служба судебных приставов, ответственных за выполнение решений судов, не имеет такой власти. А это означает, что выплата средств, присужденных истцу судом, целиком зависит от доброй воли министерства. Невозможно наложить арест на его счета, недвижимость или иные виды собственности.

Эта ситуация оставалась незамеченной мировым сообществом, пока Россия в 1996 г. не вступила в Совет Европы и не ратифицировала в 1998 г. Европейскую конвенцию по правам человека, признав право граждан обращаться с жалобами в Европейский суд по правам человека. Европейский суд наводнен делами с жалобами на неисполнение судебных решений, которые предусматривают выплату средств министерством финансов. На сегодняшний день 26% дел, рассматриваемых Европейским судом – это иски против России, а из них 25% составляют дела о неисполнении судебных решений. Иными словами, Европейский суд превратился в этакого пристава, который вынужден заниматься судебными делами в России. После вмешательства Европейского суда министерство финансов выплачивает присужденные компенсации из отдельной статьи госбюджета в течение трех месяцев с момента принятия соответствующего решения Европейским судом.

Конечно же, Совет Европы и Европейский суд не рады такому положению вещей. Казалось бы, в ответ на давление с их стороны следовало бы придать необходимые полномочия службе приставов. Вместо этого российское правительство внесло законопроект о создании нового российского суда, который будет заниматься делами о неисполнении судебных решений взамен суда европейского. Это могло бы быть альтернативным решением, но оно сводится к нулю одним из положений законопроекта: в нем сказано, что ответчиком по этим делам будет все то же Министерство финансов. И опять – применения соответствующих мер для выполнения судебных решений не предусмотрено, как не предусмотрено и ответственности чиновников. Ситуация возвращается к тому, что было до перестройки. Сегодня Россия выплачивает свои внешние долги, но в то же время накапливает внутренний долг.

Решение вопроса – в сотрудничестве с существующими международными институтами, в особенности Советом Европы и Европейским судом по правам человека. Пока что это единственный способ, позволяющий российским гражданам противостоять сопротивлению собственных властей. Много было сделано для смягчения остроты проблемы, в значительной мере благодаря усилиями молодых юристов из «Сутяжника». Необходимо разъяснить Европейскому суду недостатки предложений российского правительства по обеспечению выплат компенсаций по решениям судов. Нам следует более интенсивно использовать Конвенцию о защите прав человека.

Какова роль молодых людей в правозащитном движении в целом? Как относятся молодые люди к вопросам прав человека? Молодые юристы и журналисты «Сутяжника», которые устраиваются к нам на работу, делают это чаще всего не потому, что они хотят посвятить время защите прав человека. Большинство из них даже не знают, что такое права человека.

Многие из них не делают сознательного выбора – они просто ищут работу. Некоторые приходят в правозащитные НПО, чтобы наработать опыт, а потом уходят в юридическую фирму или корпорацию. Это и не удивительно – у молодых людей достаточно своих забот.

Хотя многие молодые люди устраиваются на работу в правозащитных организаций без каких-либо альтруистических целей и без какого-либо понятия о правах человека, некоторые довольно быстро увлекаются этой темой и добиваются поразительных результатов. Одни остаются в этой области надолго, другие уходят раньше. Но если молодой человек остается достаточно надолго, то он уходит уже другой личностью. И хочу подчеркнуть, что важной задачей НПО является просвещение своих сотрудников. Они узнают о правах человека, узнают о правоприменительной практике, видят страдающих людей, начинают внимательно относиться к правам человека – не только читая о них, но и прилагая усилия к тому, чтобы обеспечить их своим согражданам. И я абсолютно убежден, что после такого знакомства с правами человека они уже никогда не будут безразличны к ним и к социальной справедливости.

Грустно то, что вовлекать молодых людей в правозащитную деятельность сегодня труднее, чем прежде. Главным приоритетом для молодежи стало зарабатывание денег. В наши дни посвящать себя правовой работе в правозащитных НПО – это не «прикольнo» и не «круто»: много денег не заработаешь, карьеру не сделаешь, зато можно подвергнуться притеснениям или даже быть наказанным за свою работу. В конце 1990-х годов в нашей организации было не менее восьми штатных юристов и 5-8 практикантов. Молоденькие студенты, которые хотели у нас попрактиковаться, становились в очередь. Сейчас же трудно найти оплачиваемых практикантов, не говоря уже о юристах, и почти невозможно найти добровольных помощников. Студенты, у которых нет никакого опыта или практических навыков, требуют себе зарплату, равную зарплате опытного учителя. В 1990-е гг. мы были рады работать и за бесплатно, просто для того, чтобы набраться опыта.

В 1990-х годах у богатых и бедных студентов были примерно равные образовательные возможности. Сегодня же студенты из богатых семей в основном хорошо образованы, а остальные, как правило, не получают никакого нормального образования. Богатые дети идут в бизнес и во власть – они заняты зарабатыванием денег и деланием карьеры. Они относятся к правам человека как к препятствиям на своем пути. Все остальные озлоблены, ищут простых ответов на трудные вопросы. Сложные проблемы прав человека их не привлекают – чаще они оказываются в плену ксенофобии и националистических настроений. В результате правозащитным организациям не хватает кадров, в то время как запрос на обеспечение и защиту прав человека возрастает.

Маршалл Голдман:

Наш следующий выступающий – Андрей Илларионов, который будет говорить о российской либеральной интеллигенции. «Файненшл таймс» цитирует его в своем сегодняшнем номере, в связи с отдельными переменами в России.

Андрей Илларионов (в 2000-2005 гг. работал главным экономическим советником президента Владимира Путина и его «шерпой» -- личным представителем в Большой Восьмерке; ушел в отставку в декабре 2005 г. из-за разногласий с экономической политикой правительства; в настоящее время старший научный сотрудник Центра глобальной свободы и благосостояния в Институте Катона):

Для меня особая честь и удовольствие выступать на этой очень необычной конференции памяти Андрея Дмитриевича Сахарова, участники которой пытаются вспомнить обо всем, что он совершил за свою жизнь в различных областях и обсудить те его идеи, которые еще актуальны сегодня. Многосоставности этой конференции способствует ее междисциплинарный характер, с участием ядерных физиков, политологов, экономистов, историков, дипломатов, журналистов и правозащитников. Мое первоначальное выступление связано с мемуарным аспектом конференции.

Я впервые столкнулся с Андреем Дмитриевичем в 1975 г. Не лично с ним, а с его именем, его трудами и деятельностью. В то время я учился в 7-ом классе в маленьком городе под Ленинградом. Мне, как и всем моим одноклассникам, задали обычное задание – написать сочинение на тему «Один день из жизни моей страны».

Я посвятил значительную часть моего сочинения событию, которое в советских газетах того времени особенно не обсуждалось, но о котором я слышал в подробностях по Би-би-си, «Голосу Америки» и «Радио Свобода»: присуждению Андрею Сахарову Нобелевской премии за его деятельность. Что удивительно, я получил за свое сочинение «пятерку». Я был горд не только тем, что упомянул о премии Сахарова, но и отличной оценкой.

Я чересчур возгордился – и совершил ошибку: я поделился своей замечательной новостью со школьными друзьями, и эта ошибка едва не привела к моему исключению из школы и увольнению моего учителя. В действительности, мой учитель проявил смелость, поставив мне «пятерку». Новость разошлась и дошла до сотрудников местного КГБ. После этого меня вызвали к заместителю директора школы, тетрадка с моим сочинением была конфискована, а мне было сказано: «Подумай не только о себе, но и о своих учителях.»

Это был для меня хороший урок. Это было очень серьезное столкновение со взрослой жизнью. Я был благодарен всем тем взрослым, кто сделал все возможное, чтобы защитить меня, моего учителя и школу от возможных последствий моей ошибки.

Теперь я перейду к той теме, которую я начал обсуждать вчера вечером с послом Мэтлоком: что означают понятия «интеллигенция» и «либеральная интеллигенция», и почему феномен интеллигенции связан почти исключительно с Россией.

Хорошо известно, что интеллектуалы во многих западных обществах совсем иные, чем в российском обществе. В чем разница? Интеллектуалы – это те, кто занят умственной деятельностью различного рода, будь то в науке, искусстве, образовании, и тому подобное – но интеллигенция привносит в эту деятельность особую нравственную установку, как правило, критическую по отношению к существующей власти. Статус представителей интеллигенции позволяет некоторым из них высказывать свои взгляды властям.

Трансформация отдельных интеллектуалов в *интеллигентов*, вероятно, возможна лишь в недемократических обществах. В демократических обществах интеллектуалам, независимо от их взглядов по тому или иному вопросу, нет необходимости занимать жесткую нравственную позицию. Хотя дискуссии ведутся, и могут быть весьма ожесточенными, в них обычно принимает активное участие только особая группа людей – политики, политические партии и другие участники политического процесса.

В недемократических обществах отсутствуют политические партии или группы, которые агитировали бы за политические перемены. Поэтому существует потребность в людях, которые готовы и способны спорить с властью, для того, чтобы было кому выступать с альтернативами ее политике. Естественно, что такими людьми, как правило, являются интеллектуалы.

В чем состоит исключительность интеллигенции? Интеллигенция не может выжить в тоталитарном обществе, поскольку не санкционированных властью интеллектуалов, которые пытаются изменить ее политику, быстро лишают свободы или жизни, будь то в Северной Корее или в СССР в эпоху расцвета сталинизма в 1930-е годы. Поэтому для того, чтобы интеллигенция и отдельные люди, готовые «говорить истину царям», могли при этом выжить, необходимо хотя бы некоторое смягчение тоталитарного режима – даже если при этом он всего-лишь трансформируется в малосимпатичный авторитарный режим.

У кого больше вероятности выжить? У тех интеллектуалов, кто особо близок и полезен властям. Если мы зададимся вопросом о происхождении участников диссидентского движения в Советском Союзе, то мы обнаружим, что пускай и не все, но многие из них вышли в основном из трех социальных групп: во-первых, из семей государственных руководителей; во-вторых, из семей военачальников; и, в-третьих, из ученых и интеллектуалов и их семей, которые внесли крупный вклад в создание режима, его укрепление и его военный потенциал. Их очевидная значимость давала им некоторую степень личной защиты от преследований, а кроме того, режим надеялся, что диссидентствующие интеллектуалы уступят его требованиям, забудут о своих «инфантильных заявлениях» и продолжат или возобновят свою деятельность по укреплению режима и государства.

Личная безопасность – критическое условие интеллектуальной свободы, которая, по словам Андрея Сахарова, «необходима» человеческому обществу и есть «единственная гарантия осуществимости научно-демократического подхода к политике, экономике и культуре». Без интеллектуальной свободы было невозможно создавать оружие для защиты советского режима. Именно поэтому сам режим принял решение о том, что он будет обращаться с разными членами общества по-разному. В отличие от огромного большинства людей, с которыми можно было вести себя грубо, для некоторых людей, нужных для выживания режима, следовало сохранить интеллектуальную свободу и личную безопасность. Таким образом была создана советская интеллигенция.

Нет никаких гарантий того, что интеллигенция обязательно будет либеральной. Она может быть и не либеральной. Она может быть недемократической. Она может быть антизападной. Советский пример показывает, что не все представители интеллигенции стоят на либеральных позициях. Как раз здесь в этом зале можно увидеть подписанное Андреем

Сахаровым письмо о согласии войти в состав Академии искусств и наук. В этом письме он упоминает имя другого человека, также избранного в Американскую академию искусств и наук в том же самом году – Александра Солженицына. Мне было бы любопытно взглянуть на аналогичное письмо о согласии г-на Солженицына и увидеть, упоминает ли он в нем Сахарова. Андрей Сахаров и многие другие люди, относившиеся к либеральной интеллигенции, часто выступали в поддержку людей, чьи взгляды они не разделяли, и которых никто бы не причислил к либералам. Но те, со своей стороны, редко вели себя так же. В этом – одно крупное отличие между либеральной и нелиберальной интеллигенцией.

Я не стану подробно обсуждать весьма интересный вопрос об эволюции Андрея Сахарова от интеллектуала, эксперта в его специальной, узкой отрасли производства вооружений, к роли представителя, символа, основателя Московского комитета по правам человека и лидера либеральной интеллигенции в Советском Союзе. Его дальнейшее развитие привело его в либеральную интеллектуальную оппозицию режиму, а затем и в либеральную политическую оппозицию режиму, что мы наблюдали во время его избрания на Съезд народных депутатов и когда он выступал с осуждением войны в Афганистане.

Поразителен этот личный интеллектуальный и политический путь молодого человека, который мечтал о том, чтобы внести значительный вклад в науку, был способен на это и действительно этого достиг, а затем, в середине своей карьеры, в значительной мере ушел из физики в политическую деятельность, в пространство социально-политической дискуссии.

Переходя от «вчера» к «сегодня» -- на «завтра» времени уже не останется – задам вопрос, который широко обсуждался: почему исчезла интеллигенция? С моей точки зрения, политическая эволюция Советского Союза и России в 1990-е годы привела к разрушению основополагающих условий, необходимых для существования интеллигенции. Поскольку в 1990-е годы, после крушения авторитарной политической системы, существовавшей в 1980-е и начале 1990-х годов, и с созданием демократической – пускай и весьма несовершенной, но все же демократической системы – исчез запрос и, по крайней мере в течение нескольких лет, не было особой потребности в существовании интеллигенции. С другой стороны, существовал значительный спрос на интеллектуалов в качестве экспертов при режиме, экспертов при бизнесе, и некоторые представители интеллигенции даже превратились в либеральных чиновников – в то время как другие стали чиновниками нелиберальными.

Ситуация изменилась в последние восемь лет, поскольку из несовершенного демократического государства Россия очень быстро превратилась опять в государство авторитарное. Однако пока что еще нет особого запроса со стороны режима на интеллектуалов, которые могли бы вносить свой вклад в самосохранение этого режима. Несмотря на это, возникает новое поколение интеллектуалов, и они берут на себя традиционную роль интеллигенции. Либеральная интеллигенция выступает на «Эхе Москвы», пишет для Газеты.Ру или Каспаров.Ру и некоторых других каналов масс-медиа, которые остаются для нее открытыми. Существует также нелиберальная интеллигенция, которая пишет для сайтов «Взгляд», «Дни» и некоторых других. Результаты этого чем-то напоминают дискуссию, которая велась несколько десятилетий назад между либеральным журналом «Знамя» и нелиберальным журналом «Октябрь». Дискуссия продолжается.

Что имеет значение для нынешней российской интеллигенции, помимо возможности создавать интеллектуальный продукт, это ее убежденность – истинная или ложная, это уже другой вопрос – в том, что она обладает правом на участие в принятии решений, касающихся России или ее режима или ее политической системы, своего рода пакетом акций. Без этого самочувствия совладельца или права на совместное владение было бы невозможно участвовать в столь напряженной дискуссии с такой эмоциональностью и такой убежденностью. Интеллигенция – все равно, либеральная или нелиберальная – считается относящейся к числу тех, кто обладает правами, правами собственности на эту политическую систему или, по крайней мере, правом делать вид, что у них такие права имеются.

Маршалл Goldman:

Кажется, это также свидетельствует и о том, что инцидент с Вашим сочинением, в котором говорилось о Нобелевской премии Сахарова, не попал в Ваше личное досье. Путин никогда бы не пустил Вас в Кремль при наличии улики на то, что Вы слушали «Радио Свобода». Это, конечно же, шутка.

Андрей Илларионов:

Для Вас, наверное, не секрет, что «Радио Свобода» слушали не только какие-нибудь школьники в Перми, но также и офицеры КГБ – так что мы принадлежали, так сказать, к одному клубу. Им было очень и очень интересно знать, что же мы слушали, ведь для них было важно знать, каковы наши источники информации.

Маршалл Goldman: Наш последний выступающий – Томас Ремингтон.

Томас Ф. Ремингтон (*профессор политологии Университета Эмори, где он основал Программу русских и восточноевропейских исследований и был ее первым директором; с 2007 г. – временный сотрудник Дэвис-Центра и временный профессор политических наук Гарвардского университета; в числе его публикаций – Politics in Russia (выдержала несколько изданий) и The Politics of Institutional Choice: The Formation of the Russian Duma (2001, в соавторстве со Стивеном Смитом):*

Хочу сказать пару слов об одном аспекте сахаровского наследия, который, по моему мнению, не получил должного признания в истории. Это его вклад в обозначение роли и ответственности демократической оппозиции в период его лидерства в Межрегиональной депутатской группе (МДГ) в 1989 г. Вчера Тим Колтон, Мариэтта Чудакова и посол Миллер вскользь упоминали о роли Сахарова в МДГ в составе Съезда народных депутатов. Это был примечательный момент, когда только-только начинало складываться некое подобие связной, программно обоснованной конкуренции политических направлений, и Сахаров играл в этом критически важную роль, выдвигая дальновидную концепцию той роли, которую демократическая оппозиция должна играть в России.

Началом этого сюжета стали выборы депутатов на Съезд народных депутатов СССР – в эту замысловатую структуру, созданную Горбачевым как средство канализации энергии, выплескивавшейся на поверхность в период реформ и «гласности» конца 1980-х годов. Как вы, возможно, помните, Съезд должен был быть сформирован путем выборов в трех различных форматах: выборов депутатов от территориальных единиц двух видов и группы депутатов, избранных общественными организациями, в том числе и Академией наук. Выборы весны 1989 г. образовали весьма примечательное институциональное пространство возможностей для мобилизации избирателей как в территориальных округах, так и в тех общественных организациях, которые получили право избрать собственных депутатов. Как вы помните, Сахаров был избран Академией вопреки попыткам ряда сил в рамках существовавшего тогда режима заблокировать его избрание. В разработке тактики и формировании альянсов, которые в конечном счете обеспечили ему успешное избрание на Съезд Сахарову помогала группа молодых ученых – сотрудников академических институтов. В их числе был и физик Александр Собянин, который мастерски овладел инструментами прикладной политологии и впоследствии стал своего рода первопроходцем в исследовании динамики развития советского парламентаризма, а также российского парламента 1990-93 гг., а затем и созванной в январе 1994 г. Государственной Думы. Аналитические инновации Собянина и его коллег до сих пор упоминаются в западных политологических исследованиях, посвященных тому, как голосуют депутаты парламентов, а также проведению судебной экспертизы подтасовок на выборах. Главный итог момента состоял в том, что, в результате движения по борьбе с препятствиями, которые чинили его избранию на Съезд народных депутатов СССР, Сахаров стал нравственным лидером и политическим средоточием группы избранных парламентариев, которые возглавили демократическое движение в Советском Союзе, а затем и в России, и чья деятельность наложила свою печать на возникавшие институциональные формы новой, быстро менявшейся политической системы.

Позвольте вкратце напомнить вам, как возникла Межрегиональная группа.

В период после мартовских выборов и перед открытием Первого Съезда в мае 1989 г. несколько новоизбранных депутатов начали создавать неофициальные фракции. Напомню, что еще оставалась в силе 6 статья советской конституции: единственной легальной партией была КПСС. Так что развитие межпартийной конкуренции еще было делом будущего. Однако в ходе тех мартовских избирательных баталий происходила впечатляющая мобилизация сторонников как демократического, так и коммуно-националистического лагеря. Как вы помните, в ряде городов демократы пытались «прокатить» партийных боссов, которые выдвинулись кандидатами в депутаты съезда, а вместо них избрать своих единомышленников. В ходе этой мобилизации демократические силы вели себя гораздо активнее консерваторов, однако во многих регионах консерваторы контролировали все властные ресурсы. Так что в ряде крупных городов радикальные демократы добились исключительного успеха, провалив на выборах крупных партийных руководителей – но в большинстве регионов их влияние было невелико.

Эта мобилизация дала демократам возможность явиться на съезд в качестве единой группы, объединенной общими программными установками. Наличие такой откровенно политизированной группировки было новшеством для советского парламента. Группы на региональной основе существовали в Верховном Совете и ранее (например, делегации от тех

или иных областей или республик собирались вместе для обсуждения повестки дня и планов закулисного лоббирования). Однако в нем никогда не было ни одной откровенно политической фракции или группы, за исключением, конечно же, Коммунистической партии. Но теперь, благодаря избирательной кампании, демократы прояснили для себя свои программные принципы, и у них образовался руководящий центр в лице Андрея Сахарова – человека, всемирно известного и уважаемого за его многолетние выступления в защиту прав человека и демократии.

То, что значительная часть ее членов находилась в Москве, позволило межрегионалам преодолеть организационные трудности, но и также создавало дисбаланс с точки зрения представительства регионов. Как хорошо известно здесь присутствующим, ввиду сверхцентрализованного характера советского общества значительная часть профессиональной, научной и медийной интеллигенции была сконцентрирована в Москве. Многие представители этой интеллигенции хорошо знали друг друга по работе в одних и тех же институтах или по одним и тем же социальным кругам. На выборах 1989 г. радикальные демократы получили в Москве подавляющий перевес, наиболее драматическим выражением которого была разгромная победа Бориса Ельцина в единственном в Москве национально-территориальном округе № 1. Однако во всех 26 городских округах представители слабой стороны – радикалы и либеральные интеллектуалы – прошли в депутаты.¹ Почти все либеральные и радикальные демократы, избранные депутатами от общественных организаций, также проживали в Москве, где они вели научную работу в НИИ системы Академии наук либо были видными деятелями искусств и профессий.

Тем самым радикал-демократы имели возможность воспользоваться традиционным институтом делегаций от территорий и обратить его на достижение откровенно политических целей. В мае 1989 г., перед созывом съезда, газета «Известия» пригласила нескольких вновь избранных депутатов в редакцию, чтобы обсудить их планы за круглым столом. Хотя получившаяся в результате статья так и не была опубликована, приглашенные за круглый стол депутаты решили пригласить и других демократически настроенных депутатов встретиться для подготовки ряда программных документов. Эти документы должны были лечь в основу их собственного перечня предложений по процедуре и повестке дня, которые они собирались вынести на предстоящий съезд. Затем эти участники пригласили других московских демократов, а заодно и демократов из других городов и от общественных организаций на цикл встреч, которые состоялись в мае. Их неформальным лидером стал будущий московский мэр Гавриил Попов, хотя наиболее заметными фигурами были Андрей Сахаров и Борис Ельцин – а Мариэтта Чудакова рассказала нам вчера о том, сколь важное воздействие оказывал Сахаров на Ельцина в тот период. Эти люди хорошо осознавали, что само существование оппозиционной группы в парламенте представляло собой радикальный отход от советской традиции.

¹ О выборах 1989 г. в Москве см.: Giulietto Chiesa, with Douglas Taylor Northrop, *Transition to Democracy: Political Change in the Soviet Union, 1987-1991*. (Hanover and London, Dartmouth College; University Press of New England, 1993).

К тому времени, когда собрался съезд, у московской группы уже имелись готовые предложения по процедуре (они хотели обсудить вопрос о председательствовании на съезде прежде, чем проводить выборы председателя) и по существу (они вносили предложения о непрерывной прямой трансляции всех заседаний съезда по телевидению и радио; о создании комиссии по расследованию побища в Тбилиси; о демократизации избирательного закона; и так далее). Они потерпели поражение почти по всем пунктам, хотя их требование о прямой трансляции съезда и было принято, однако они сразу же заявили о своем праве на существование в качестве отдельной политической группы и на выдвижение коллективных требований. То, что еще недавно представляло собой депутатский клуб, в основном состоявший из москвичей, превратилось в Межрегиональную депутатскую группу (МДГ), когда на третий день заседаний съезда Попов заявил из зала, что все депутаты, желающие присоединиться к группе демократически ориентированных депутатов из различных регионов, приглашаются вступить в «Межрегиональную депутатскую группу». Группа провела свое первое собрание под новым названием сразу же по завершении съезда, в составе 256 человек. Это был тонкий маневр: безобидный прецедент существования региональных делегаций был трансформирован в создание межтерриториальной и откровенно идеологической структуры.

Межрегионалы были идеологически сплоченными. По данным опросов, две позиции, по которым члены группы были полностью едины, заключались в поддержке многопартийности в Советском Союзе и радикальных рыночно ориентированных реформ.² В марте 1990 г., когда литовский парламент принял декларацию о независимости от Советского Союза, межрегионалы разделились по вопросу о поддержке отделения Литвы, хотя в конечном счете они сумели выработать компромиссную позицию, приемлемую для всей группы. Вопрос о том, сохранять ли Союз или пожертвовать им в пользу независимости республик, расколел демократов ровно пополам.

Ряд позиций, занятых МДГ по конкретным вопросам, проистекал напрямую из ее сплоченной поддержки радикальных демократических и рыночных реформ. Одной из таких позиций было требование посредством конституционной и избирательной реформы покончить с господством КПСС в советской политической жизни. Конкретно, группа выступала с требованием пересмотра или отмены Шестой статьи конституции. Группа также требовала создания комиссии по расследованию и установлению виновных в побище, учиненном безоружным демонстрантам в Тбилиси в апреле 1989 г.; расследования обвинений в коррупции партийного и государственного руководства в республиках Средней Азии; провести оценку законности протоколов к советско-германскому пакту о ненападении 1939 г., по которым Сталин уступил Гитлеру Восточную Европу в обмен на его согласие с советским доминированием в балтийских государствах; и расследовать практику предоставления представителям политической элиты неофициальных материальных привилегий. В законодательную повестку дня МДГ входила реформа судебной системы, свобода печати и реформа избирательной системы, предполагавшая отказ от резервирования депутатских кресел для представителей общественных организаций и от «окружных предвыборных собраний» по выдвижению кандидатов в депутаты.

² Аркадий Мурашев, «Межрегиональная депутатская группа: хроника минувшего года», «Огонек», № 32 (август 1990), с. 6-9.

Деятельность межрегионалов представляла собой крупный шаг в институциональной эволюции российской политической системы – не только потому, что они озвучивали связную программу радикально-демократических преобразований, но еще и потому, что они создали первую модель организованной политической оппозиции. Но именно академику Сахарову выпала задача объяснить своим единомышленникам-демократам, что же это значило. В своем вчерашнем выступлении во время ланча Елена Боннэр напомнила нам о той глубокой дистанции между «народом» и «властью», между «нами» и «ими», которая в значительной мере двигала устремлениями людей к радикальным демократическим переменам. Однако Сахаров, будучи в этом вопросе, как и во многих других, впереди своего времени, понимал, что для успешного функционирования демократического социума необходимо найти способ преодолеть эту пропасть. Он говорил своим товарищам по МДГ, что если они хотят подтолкнуть процесс формирования многопартийной парламентской демократии, они должны действовать не просто как оппозиция, но как «лояльная» и «ответственная» оппозиция. Более того, сама идея того, что межрегионалы должны конституироваться в качестве демократической оппозиции в парламенте, принадлежала именно Сахарову. В декабре 1989 г., ходе Второго Съезда, в своем выступлении перед членами МДГ за несколько часов до своей смерти, он сформулировал свою концепцию демократической оппозиции в таких понятиях, которые, по стандартам советского политического мышления, далеко обгоняли свое время:

«Я хочу», сказал Сахаров, согласно пересказу, впоследствии опубликованному Аркадием Мурашевым, «дать формулу оппозиции. Что такое оппозиция? Мы не можем принимать на себя всю ответственность за то, что делает сейчас руководство. Оно ведет страну к катастрофе, затягивая процесс перестройки на много лет. Оно оставляет страну на эти годы в таком состоянии, когда все будет разрушаться, интенсивно разрушаться. Все планы перевода на интенсивную, рыночную экономику окажутся несбыточными, а разочарование в стране уже нарастает. И это разочарование делает невозможным эволюционный путь развития в нашей стране. Единственный путь, единственная возможность эволюционного пути – это радикализация перестройки.

Мы одновременно, объявляя себя оппозицией, принимаем на себя ответственность за предлагаемые нами решения, это вторая часть термина. И это тоже чрезвычайно важно.»³

В этом выступлении заслуживает внимания не то, что Сахаров отвергал компромиссы и выжидательность горбачевского курса. С подобной критикой мог выступить и выступал каждый радикальный политик. В действительности, оригинальность и сила сахаровского видения заключалась в его понимании необходимости того, чтобы оппозиция взяла на себя ответственность за альтернативную программу действий.

Зададимся вопросом: в чем значимость сахаровского наследия, связанного с этим эпизодом?

³ См. Мурашев, «Межрегиональная депутатская группа», с. 8.

Во-первых, в важности неискаженных исторических фактов. Историческое рассмотрение этого периода должно отражать тот факт, что Сахаров – обгоняя своих соратников по демократическому движению, которые были склонны рассматривать демократию как устремленность к цели, а не как институциональное общественное устройство – понимал, что при таких драматически быстрых институциональных переменах, при конкурентной избирательной системе и парламенте, обладающем законодательной властью и властью призвать правительство к ответу, необходима была не устремленность к цели и не движение, а система конкурирующих политических партий, которые предлагали бы стране альтернативные политические проекты. А это означало необходимость создания условий для конкуренции и смены правящих партий, которые при этом не угрожали бы фундаментальным, рамочным политическим правам граждан. Сахаров понимал, что демократия – это система процедур по передаче и применению власти.

Он также понимал и разницу между лояльностью государству и лояльностью конкретной группе правителей или конкретному политическому курсу. По сути, он пытался импортировать в российскую общественную мысль и практику одну из основополагающих черт современной демократии – модель политической оппозиции, сохраняющей верность государству, но оппозирующей тем, кто в данный момент находится у власти.

А главное, он понимал, что для демократии необходимо, чтобы носители власти брали на себя ответственность за ее применение. В конечном счете, власть без ответственности – это прерогатива тирана, который употребляет власть, не подвергая себя при этом критическому суду других представителей власти, не говоря уж о рядовых гражданах. Предложенная Сахаровым модель подразумевала, что демократическое движение должно обязаться соблюдать те же ограничения избирательного процесса, что и те самые власти, которые оно собиралось сменить – и что полностью отвергая предлагавшиеся Горбачевым половинчатые меры и требуя радикальной демократизации и рыночного либерализма, демократическое движение должно быть готово платить по счетам за взятые им на себя обязательства, и быть готовым к тому, что его представителей попросят с вещами на выход, если него отвернутся избиратели. Проводить митинги, произносить речи, изобличать власти за их незаслуженные привилегии, коррупцию, медлительность и некомпетентность было чересчур просто: в конце концов, демократическое движение было накоротке именно с такого рода политикой – политикой массовых митингов, маршей, избирательных кампаний, агитброшюр, слепой веры в харизматических лидеров. Сахаров видел, что следующей, необходимой стадией демократического развития должно была быть трансформация движения в партию, готовую взять на себя ответственность за управление страной. А это означало, что надо заняться трудной работой по организационному строительству, формированию согласованных партийных позиций, выдвижению политических инициатив и обеспечению их прохождения через соответствующие институты, а затем еще более трудной работой по их воплощению на практике. Сахаров видел, что наступило время перейти из состояния отрицающего большинства к формированию конструктивного, правящего большинства, способного формировать и осуществлять политику.

Сахаров был, разумеется, совершенно прав. Но момент оказался упущен – и у нас есть причины для отчаяния по поводу того, что его видение предстоявших задач осталось без последствий.

Несомненно, что его концепция демократической системы многопартийной конкуренции оказалась в числе упущенных альтернатив. Что более существенно, в конце переходного периода Россия не обрела ни демократической состоятельности, ни ответственности перед обществом власти. Ельцин старательно избегал связывать свою судьбу и свою власть с какой-либо партией, хотя он и поощрял формирование системы конкурирующих партий, в которой многие из сподвижников и поклонников Сахарова приняли активное участие. Но уже к середине 1990-х годов демократическое движение осознало, что утратило направление движения, утратило динамику, что его влияние как политической силы постоянно шло на убыль, что его устремления не реализовывались в рамках возникавшего политического режима. В начале нынешнего десятилетия президент Путин ликвидировал последние сохранявшиеся элементы демократической состоятельности и системы ответственности, оставленные после себя перестройкой и эпохой Ельцина.

Но значимость упомянутого мной эпизода 1989 г. не сводится всего лишь к масштабам сноски на полях истории. Наследие Сахарова как создателя принципа демократической оппозиции сегодня по-прежнему воплощено в конкретных процедурах и прецедентах, которые вполне еще могут вернуть себе реальную значимость при наличии соответствующих условий – подобно тем спорам растений, которые способны пережить десятилетия засухи. Заслуживает внимания тот факт, что формирование МДГ подтолкнуло создание в рамках горбачевского съезда и других фракций партийного типа, объединенных программными установками. Среди них была группа коммунистов, объединившая около трети депутатов, а также жестко-консервативная группа под названием «Союз», настроенная однозначно враждебно по отношению к национализму в союзных республиках. Сформировались и иные группы, в большинстве своем представляющие профессиональные или отраслевые интересы и заинтересованные в основном в распределении бюджетных ресурсов. В их числе были комсомольские активисты, учителя и экологи. Первой официально оформившейся группой интересов была Аграрная группа, в которой доминировали руководители колхозно-совхозного сектора. Это были протопартии. Некоторые из них сразу же после отмены 6 статьи организовались в настоящие электоральные и законодательные партии. В частности, межрегионалы способствовали организации коалиции «Демократическая Россия», которая участвовала в конкуренции с другими в выборах 1990 г. на российский съезд, и чьи лидеры после 1993 г. образовали ядро демократических фракций в российской Государственной Думе.

Тем самым, в соответствии с сахаровской концепцией политического развития, впервые за 70 лет в рамках советского парламента возникла организованная по всем правилам состоятельность на программной основе, что привело к некоторому подобию системы многопартийной конкуренции. В каждой последующей парламентской структуре – в рамках Съезда и Верховного Совета, существовавших в российской республике с 1990 по 1993 г., а затем в созданной на основе конституции декабря 1993 г. новой Государственной Думе – существовала система признанных партийных фракций, пользовавшихся правами политических учреждений: правом вносить законопроекты, правом формировать повестку дня и правом выступать от коллективно лица членов фракции. На каждом этапе эти фракции становились ядром организации федеральных избирательных кампаний. Этот институциональный рисунок сохраняется и сегодня.

Таким образом, МДГ, в качестве группы политических единомышленников, объединенных общими принципами, предлагающих программу действий, за которую они были готовы взять на себя ответственность, действующих в рамках установленных правил и процедур и организованных как электоральная и парламентская партия, создала в самом доподлинном смысле этого слова институциональный прецедент – который стал общепризнанной составляющей конституционного устройства современной России.

Конечно же, никто не спорит с тем, что с точки зрения своего влияния и политических прав сама демократическая оппозиция сегодня маргинальна, в значительной мере раздавлена либо ангажирована властью. Нынешний режим подавил независимые центры власти, манипулирует выборами и считает, что государственная власть стоит над законом. Но думаю, что сахаровская модель состязательной, программно ориентированной политики, в которой оппозиционные силы играют полезную сдерживающую роль в отношении с правительством и готовы заступить на его место и принять на себя ответственность за управление страной, остается направлением возможного будущего развития. Как это ни парадоксально, эта модель, в вывернутом наизнанку виде, сегодня присутствует и в той системе власти, которую выстроил Путин, то есть в системе, основанной на доминировании одной партии, лидер которой нуждается в обеспечении себе большинства в парламенте, чтобы иметь возможность управлять страной в качестве премьера – и поддерживает видимость оппозиционного партийного пространства путем создания искусственных оппозиционных партий на правом и левом фланге. (Кстати, сегодня реструктурированные остатки политического движения, которое возглавлял Сахаров еще различимы в процессе реорганизации СПС в новую партию под названием «Правое дело». Даже в ее нынешнем жалком виде партия ведет свою политическую родословную от МДГ.) Эти искусственные конструкции, конечно же, маргинальны – но даже и номинальная, неискренняя апелляция в официальной риторике к принципу многопартийной состязательности и демократической оппозиции создает вероятность того, что когда-нибудь, когда гражданское общество будет готово поддержать эту модель развития, она будет возрождена и заживет новой жизнью. Мы не знаем, когда для этого созреть условия; воспримет ли она вследствие такого мощного удара, который нанесет политическому режиму суровый экономический кризис, вроде того, который развивается сейчас; или же развитие бизнеса на каком-то этапе будет способствовать укреплению гражданского общества и спросу на демократические права; или же это профсоюзное движение выйдет из ступора и начнет требовать представительства; или же средний класс, по ходу своего медленного развития и обретения им уверенности в своих силах, вспомнит о том, что когда-то существовала действенная концепция цивилизованной многопартийной состязательности, которую можно приспособить к новым условиям. Я не знаю, каким конкретно путем Россия придет к этому. Но я уверен, что сахаровское видение, основанное на его трагически коротком пребывании в роли лидера демократической оппозиции в советском парламенте, по-прежнему применимо в качестве модели и будет востребовано вновь.

Маршалл Голдман:

Спасибо, Том. К числу самых волнующих вопросов относится то, как Сахаров вышел на эти построения, откуда они у него возникли? Что он перед этим читал? Они напоминают мне об американских «Записках федералиста» и то, как наши американские лидеры разработали свои, совершенно иные концепции.

Татьяна Янкелевич:

Хочу сказать, что Сахарова очень увлекало чтение «Записок федералиста». Они существовали в русском переводе и были доступны.⁴ Я знаю, что он читал эту книгу в годы перестройки, после возвращения из ссылки в Горький. Я видела ее у него в кабинете, поэтому думаю, Маршалл, что у Вас очень хорошая интуиция. Конечно же, эти идеи не были для него совершенно новыми, они были близки его собственному мышлению.

Маршалл Голдман:

Это поразительно. Хочет ли еще кто-либо из участников панели высказаться прежде, чем мы завершим ее? Есть ли у кого замечания?

Лидия Воронина:

У меня два вопроса – один к Антону Буркову, другой к Андрею Илларионову. Антон, можете ли Вы привести нам конкретный пример Вашего сутяжничества, пример дела, которое Вы довели до суда, как Вы его вели, и что с ним стало. И еще: какие существуют правоохранительные инструменты в стране для реализации решений суда?

И вопрос к Андрею: я прочитала в Вашей биографической справке о том, что Вы были советником Путина и подали в отставку. Не могли бы Вы поделиться с нами причинами и характером Вашего решения? Говоря о различиях между группами мыслящих членов общества – интеллигенции, интеллектуалов, свободных радикалов, аутсайдеров – к какой группе Вы себя причисляете?

Антон Бурков:

Благодарю Вас за Ваш вопрос. Я могу привести большое число примеров. Наша организация работает уже 15 лет с разными типами дел. Эти решения судов в ряде случаев выполнялись, пока министерство финансов не получило иммунитет от действий судебных приставов. Однако на сегодняшний день в судебных исках против государственных чиновников по поводу финансовых обязательств государства я вижу только один инструмент воздействия – это Европейский суд. Я не знаю никакого иного механизма сегодня, который бы обеспечивал результат.

После того, как Европейский суд выносит решение по делу гражданина против России в связи с неисполнением решений внутренних судов, российское государство обязано в течение трех месяцев выплатить компенсацию, в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека. Уже на протяжении пяти или шести лет в российском бюджете существует специальная статья по выплате компенсаций на основе решений ЕСПЧ. Деньги выплачиваются в течение трех месяцев после вынесения решения ЕСПЧ. Таким образом, на сегодняшний день ЕСПЧ – единственный механизм, которым российские граждане могут воспользоваться в подобной ситуации. Поэтому в Европейском суде и находится на рассмотрении такое количество дел из России. Мы должны найти решение этой проблемы и сделать так, чтобы российская правовая система несла ответственность за обеспечение выплат компенсаций по этим делам. Не думаю, что предложенный Верховным судом законопроект позволит достичь этой цели.

⁴ «Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей». 21 избранная статья. Изд-во Чалидзе, Benson VT.

К слову, глава Верховного суда, Вячеслав Лебедев, председательствует в нем с 1988 г. Это бывший Верховный суд РСФСР. Я не ожидаю каких-либо здравых решений от такого рода суда.

Андрей Илларионов:

Откровенно говоря, я уже много раз выступал с объяснением причин моей отставки – но, если хотите, могу повторить еще раз. У нее три причины общественного характера и одна частная, но она весьма существенна.

Во-первых, страна стала недемократической по характеру своей политической системы.

Во-вторых, российское государство трансформировалось в так называемое корпоративное государство. Поэтому работать на правительство означает работать не на достойное государство, отражающее интересы и позиции общества, а работать на интересы отдельной группы лиц. А я никогда не подписывал контракт о работе на эту самую группу лиц.

В-третьих, я ушел в отставку в то время, когда российское правительство затеяло войну с Украиной – экономическую, газовую войну. Поэтому критика действий российского правительства переместилась с внутривнутриполитических вопросов на вопросы международные. А это уже совсем другой разговор. Ведь если вы обсуждаете, критикуете и отвергаете решения, принятые правительством во внутренней политике, такая оппозиция может считаться допустимой. Она не вызывает удовольствия, но она приемлема. Но если вы критикуете международные действия вашего правительства, то, значит, вы становитесь на сторону внешнего противника, и вас зачислят в предатели. В этом случае у вас только два выбора – либо молчать, что я не был готов делать, либо уйти в отставку.

Очень существенная причина непубличного характера заключалась в нарушении контракта, который я подписал с моим боссом весной 2000 г. В нем было три условия, которые я согласовал с моим боссом, и которые соблюдались почти шесть лет, но в конце осени 2005 г. все они были нарушены, поэтому я сказал: «Контракт нарушен. Я более не связан этим контрактом.» Это очень просто.

Если вас интересуют эти три условия, то они были таковы: 1) я провожу встречи с тем, с кем мне вздумается; 2) я езжу, куда мне вздумается; 3) я общаюсь с моим боссом в любое время на любую тему, которую я сочту актуальной. Таковы были мои три условия. В них не было ничего ни о дачах, ни о машинах, ни о чем-либо еще в этом роде.

Что касается Вашего второго вопроса, возможно, лучшим ответом было бы описать эволюцию моих взглядов за последние несколько лет, но это займет слишком много времени. Поэтому расскажу Вам в нескольких словах о самом недавнем проекте, в котором я участвовал – я бы сказал, в качестве одного из отцов-основателей. Он называется Национальная ассамблея. Я работал над этим проектом в основном с Гарри Каспаровым, который был главным, самым значительным организационным мотором проекта. У него невероятная способность общаться с людьми с разных флангов политического спектра.

Идея Национальной ассамблеи в том, чтобы заполнить лакуны, созданные нынешним режимом, который полностью уничтожил представительную власть, как Государственную Думу, так и Совет Федерации. Г-н Грызлов, нынешний главы Думы – нашего парламента – говорит, что это не место для дискуссий, хотя само слово «парламент» восходит к французскому *parler* (говорить).

Каждой стране, в том числе и России, необходимо место для обсуждения важных и актуальных для всего общества вопросов. Поскольку серьезная дискуссия в Думе, в Совете Федерации, в масс-медиа, в правительстве, в президентской администрации невозможна, мы должны такое место создать. Вот мы и создали такое место, Национальную ассамблею, где мы свели вместе людей почти из всех частей политического и экономического спектра. Для многих из приходящих туда – а в Национальной ассамблее сейчас около 700 депутатов – было невероятно трудно сидеть в одной комнате с людьми, с которыми 15 лет назад они сражались по другую сторону баррикад в Москве.

Поэтому когда давние враги, которые бились друг с другом в ходе гражданской войны в октябре 1993 г., впервые за 15 лет встретились в одном помещении, в воздухе присутствовало напряжение. Некоторые из присутствующих в свое время даже отдавали приказы убивать людей на противоположной стороне. Эти бывшие противники встретились в одной комнате и, обменявшись друг с другом парой слов, говорили: «Ну хорошо, здравствуй, давно не виделись.» Потом они пожимали друг другу руки и приступали к совместной работе. С моей точки зрения, это поразительно, и это одно из самых важных событий в истории страны: люди с различными взглядами уселись рядышком, общаются друг с другом и пытаются найти консенсус по различным вопросам, которые волнуют общество, вместо того, чтобы применять огнестрельное оружие, или полоний, или какую-то иную форму насилия для разрешения своих споров.

Национальная ассамблея еще на ранней стадии своего развития, но она своего рода предпарламент, новый институт для нашей страны. Полагаю, это исключительно важный прорыв. Кстати, для хартии Национальной ассамблеи мы заимствовали наши идеи из американской Декларации независимости, Всемирной декларации прав человека, французской Декларации прав человека и гражданина и других подобных документов – я был одним из авторов Хартии. Это первый в российской истории документ, который люди подписали и публично поклялись исполнять не потому, что правительство заставило их это сделать, не по принуждению, а совершенно добровольно. А в числе подписантов – либералы, классические либертарианцы, националисты, левые, социалисты и коммунисты.

Трудно даже поверить, кто оказался в числе подписантов Хартии и принял на себя публичное обязательство никогда не применять силу или методы принуждения к другим подписантам. Среди них – Олег Шенин, секретарь ЦК Коммунистической партии и член ГКЧП в августе 1991 г.

Скажу откровенно, мне это далось непросто. Некоторые из присутствовавших там пришли к выводу, что мне было там весьма неуютно. Это правда. Когда страна выходит из состояния длительной гражданской войны, это очень и очень трудно. И все же мы сделали этот шаг, а сейчас предпринимаем и ряд новых шагов. Мы провели ряд слушаний, в том числе по

российско-грузинской войне. Сейчас мы обсуждаем финансовый кризис и ряд других вопросов. А самое главное, мы пытаемся создать новую правовую систему.

Существуют два пути создания правовой системы. Она может быть навязана правительством или другими властями – насколько это эффективно, уже другой вопрос. Или же она может быть создана путем договоренностей между людьми. Соблюдение закона народом – единственная гарантия его будущего.

Маршалл Голдман:

Это изумительно – проблема, однако, в том, что у нас истекает время, а у нас есть еще по меньшей мере три вопроса. Мы сведем их в один. Предлагаю вам троим задать ваши вопросы, а потом докладчики ответят на них, ради экономии времени.

Вопрос:

Мой вопрос адресован г-ну Илларионову: в последнее время Кремль пытается создать своего рода лояльную оппозицию справа, партию, ангажированную властью, либеральную партию на средства Кремля. Вопрос: зачем это Кремлю, и считаете ли Вы, что это подает какие-либо надежды на то, что либеральные идеи станут частью «мейнстрима»?

Вопрос:

У меня вопрос к г-ну Буркову: вчера Вы стояли примерно в той же части зала, где сейчас стою я, и спросили г-на Панкина, почему пресса не освещает правозащитную проблематику. Согласны ли Вы с тем, что ключом к ответу на этот вопрос является та модель, по которой организован Ваш бизнес? И какова модель Вашего бизнеса, как финансируется НПО «Сутажник», в котором Вы работаете?

Эдвард Клайн:

Вопрос г-ну Илларионову: любимым словом Сахарова было «конструктив». Он всегда охотно шел на сотрудничество с властями в той мере, в которой у них были конструктивные предложения. Возможно ли для интеллигенции в какой-то мере сотрудничать с правительством Медведева или Путина? Все-таки, судя по всему, российский народ их поддерживает.

Александр Гольдфарб:

По Вашим наблюдениям, не сдвигается ли гражданская активность в России к патриотическому и коммунистическому флангу? И второй вопрос, г-ну Илларионову. Интеллигенция в его определении связана с режимом. Заметны ли Вам какие-нибудь тенденции в нынешней элите, которые могли бы породить нравственную оппозицию, похожую на то, что представляло собой правозащитное движение при советской власти?

Пол Дхоти:

Одно замечание. Возвращаясь к Вашему первому вопросу, у меня сложилось впечатление, что Сахаров испытал значительное влияние Игоря Тамма, с которым он часто дискутировал, в какой-то мере Петра Капицы, а в Арзамасе-16 своего соседа Давида Франк-Каменецкого.

Вопрос:

Может ли кто-либо из вас прокомментировать, какова роль Конституционного суда в этих вопросах, коль скоро его институциональная обязанность – защищать конституцию, декларирующую принцип прав человека.

Антон Бурков:

Очень непросто рассказывать о том, как работает НПО, но вкратце: мы находим людей – или люди находят нас – если они сталкиваются с правозащитной проблемой. Мы берем в работу такие дела, которые не просто связаны с проблемой конкретного человека, но с помощью которых мы видим возможность добиться такого решения суда, которое будет применимо в более широком контексте. Один из способов достичь этой цели – довести дело до Конституционного суда. Что подводит меня к вопросу о том, какова же роль Конституционного суда.

Роль Конституционного суда очень значительна сегодня и была очень значительна с момента его создания. Есть целый ряд примеров того, как вмешательство Конституционного суда позволило решить проблему. Он вмешался и в тот вопрос, о котором я говорил – в вопрос о том, что юрисдикция судебных приставов не распространяется на министерство финансов. В 2005 г. Конституционный суд принял постановление о том, что российское правительство не имеет права устанавливать административные правила по исполнению судебных решений в отношении министерства финансов. Суд передал такое право Государственной Думе. К сожалению, Дума приняла еще одну неэффективную систему правил.

Конституционный суд также играет важную роль в процессе приведения российского законодательства в соответствие с международными инструментами, такими как Европейская конвенция о правах человека. Этой весной я разговаривал с некоторыми судьями Конституционного суда, и они сказали мне, что именно по этой причине их перевели из Москвы в Санкт-Петербург: из-за их чрезмерной активности.

Андрей Илларионов:

По первому вопросу – о мотивах создания так называемой партии «Справедливая Россия». Совершенно ясно – это не партия, а искусственное образование с целью забрать голоса определенной части политического спектра. Его роль сходна с той, которую в течение ряда лет успешно играл Союз правых сил. Это не политический проект – это бизнес-проект. Это люди, которые ищут возможностей получить определенную сумму из госбюджета, либо напрямую, либо через какой-нибудь проект. С моей точки зрения, он не представляет интереса, так же как и Либерально-демократическая партия Жириновского и все остальные искусственные образования. Эти искусственные партии просто выполняют заказы Кремля. Как человек, который провел в Кремле какое-то время, я знаю, что там делается. Почти все, что в данный момент связано с официальным режимом, не представляет никакого интереса.

В Национальной ассамблее присутствует реально существующий спектр различных фигур, с которыми я, говоря откровенно, по многим вопросам абсолютно не согласен – но это реальные люди. У них есть свои позиции, и эти позиции не проплачены Кремлем – ни позиция Шенина, ни позиция Лимонова, ни позиция социал-демократов, ни позиция входящих в нее правозащитников. У них есть свои собственные устремления, поэтому с ними

интересно и имеет смысл работать. Поскольку у них есть свой курс и собственная логика. И никто из них не куплен.

Что касается конструктивных возможностей: способность и возможность сотрудничать с властями зависит от тех критериев, которыми лично вы руководствуетесь при сотрудничестве с властями. Для меня граница сотрудничества с режимом или властями проходит там, где они начинают убивать людей в собственной стране или в других странах. Коль скоро имеются убедительные доказательства того, что режим к такого рода деятельности причастен, то я заявил самому себе и другим, что не буду на этот режим работать. К сожалению, после моего ухода характер этого режима остался прежним: они продолжают этим заниматься и даже в гораздо более крупных масштабах. И они убивают людей не только в собственной стране, но и в других странах. Российско-грузинская война готовилась более четырех лет, была совершенно блестяще спланирована и обеспечена необходимыми ресурсами. Они потратили миллиарды долларов и направили до 100 000 солдат в Грузию, чтобы ее раздавить. Это одна из наиболее хорошо подготовленных операций, которые проводились российским Генеральным штабом и российскими спецслужбами за последние десятилетия.

Так что г-н Путин у власти или г-н Медведев, разницы не имеет. Г-н Медведев менее интересен, поскольку он более зависим; он пытается быть большим путиним, чем сам Путин. В любом случае, его фигура менее значима.

Одним из условий для начала диалога должно быть именно то, о чем Сахаров попросил Михаила Горбачева из Горького: свобода политзаключенным. Как только г-н Медведев, независимо от своей незначительности, освободит или начнет освобождать всех политзаключенных, тем самым возникнет хоть какая-то основа для начала диалога. Но пока что он не продемонстрировал никакого желания это сделать, даже в таком абсолютно недвусмысленном деле, как дело Светланы Бахминой, которая сейчас находится в тюрьме. О чем же нам говорить?! Любое сотрудничество с властями означает укрепление этих самых властей. Зачем это делать?

И последнее – на тему о связи интеллигенции с режимом. Может быть, я выразился не очень ясно, или меня не поняли. У интеллигенции нет связи с режимом. У интеллигенции есть свои взгляды и свое видение, и у интеллигенции есть права собственности в отношении своей страны. И именно поэтому наша дискуссия с режимом, с реальными правителями, обладает всеми особенностями конфликта по вопросам прав собственности. Кому принадлежит страна? Тем ребятам, которые ведут ее по ложному пути? Или же представителям интеллигенции, независимо от того, либеральные они или нет или же представляют любое другое политическое направление.

Это вопрос о собственности в его классической форме. Можете называть это нашими притязаниями. Это вопрос о том, у кого права собственности, а не кто несет ответственность. Именно поэтому режим, власти могут даже пустить страну под откос. Они не думают об ответственности, о том, что они делают со страной, со своими соотечественниками, даже с самими собой. «Ну и что – у нас же есть право это делать!» Потому что у «нас» есть для этого инструменты – в том числе армия, спецслужбы, финансовые ресурсы и так далее.

Маршалл Голдман:

Позволю себе лишь одно замечание о Конституционном суде. Наш Верховный суд в Массачусетсе сотрудничает с российским Конституционным судом в различных формах, пытаясь влиять на принятие им решений. У нас состоялись несколько дискуссий, когда члены КС сюда приезжали. К нам на Гарвардский юридический факультет даже приезжали от них практиканты. Не знаю, как далеко это все пойдет, и не уверен, что мы должны брать на себя ответственность, если что-то будет не так, но по крайней мере это свидетельствует о наличии заинтересованности в подобного рода обменах.

Позвольте поблагодарить выступавших. Я услышал кое-какие сюжеты изнутри процесса, которые я нахожу просто великолепными. Всем большое спасибо.